

“ЛЮБОВЬ ЗА ДЕНЬГИ” В САРДИНИИ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ПРОСТИТУЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Мажиа

(пер. с ит. О.Д. Фаис-Леутской)

Армандо Мажиа | <http://orcid.org/0000-0002-2920-6921> | maxiaarmando@tiscali.it |
PhD, директор | Этнографический музей сардинской горской культуры (Парко Коммунале Пастиссу, Аритцо [Нуоро], 08031, Италия)

Ключевые слова

Сардиния, проституция, патриархальное общество, табуированность темы секса, формы функционирования

Аннотация

В статье впервые в научном дискурсе делается попытка антропологического изучения феномена проституции в Сардинии – консервативном, слабо урбанизированном, руральном, сохраняющем и сегодня высокую степень традиционности регионе Европы. Ввиду отсутствия исследований по данному вопросу автор основывается исключительно на полевых материалах, собранных в Сардинии, в первую очередь в ее горных районах, где основным занятием населения и в наши дни остается пастушество. Для этой области Италии характерны интровертные, патриархальные деревенские микроскопии, которым присущи необычайно жесткий социальный контроль и строгая система моральных табу. Основная сложность, с которой столкнулся автор в проведении полевой работы, – закрытость информантов при обсуждении темы секса во всех его проявлениях. Исследование выявило органичность существования института проституции в Сардинии как одного из гарантов функционирования традиционного общества и сохранения социального равновесия.

Проблема исследования проституции, в первую очередь той ее модели, которую М. Гибсон определила как “национальную” или “традиционную” (Gibson 1989b: 47), до сих пор не решена в парадигме антропологии, и этот факт признается современным научным сообществом (Maksimowski 2012: 23). Речь идет о модели оказания женщинами сексуальных услуг за плату, сформировавшейся в конце XIX в. в развитых западных обществах и сохранившейся до наших дней. Уже при первых попытках ответить на вопрос, что представляет собой платный секс в конкретных регионах Европы в определенную историческую эпоху (напр., в прошедшем столетии), исследователь-антрополог неиз-

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Мажиа А. “Любовь за деньги” в Сардинии: к вопросу об этноантропологическом исследовании феномена проституции в традиционном обществе // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053> EDN: COXWDC

Maxia, A. 2023. “Liubov’ za den’gi” v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obschestve [The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society]. *Etнографическое обозрение* 3: 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053> EDN: COXWDC

бежно сталкивается с рядом препон на своем пути и с затрудняющими научный поиск очевидными сложностями.

Прежде всего приходится констатировать скудость этнографических и антропологических источников, непосредственно касающихся проблемы проституции, которые позволили бы очертить параметры и границы феномена платного секса, в силу чего исследователь вынужден в своих реконструкциях использовать немногочисленные, разрозненные, порой случайные сведения, содержащиеся в самых разных документах: в исторических работах, в церковной литературе, в трудах моралистов или общественных деятелей, в юридических текстах и т.п.

Не меньшую сложность для ученого, стремящегося осветить специфику проституции конкретного региона Европы, представляет почти полное отсутствие регионоведческих исследований. Что касается Италии, можно вспомнить лишь обобщающие работы, акцентирующие внимание на реалиях в основном первой половины XX в., либо аналитические обзоры (выходящие за желаемые предметные и хронологические рамки), касающиеся темы современного платного секса: его гендерно-разнообразного и мультиэтнического (вследствие миграций) характера, а также его вариативности (от плотских контактов до виртуального общения).

Необходимо принять во внимание и тот факт, что в целом в Европе, а тем более в Италии, еще очень недавно существовала негласная, изначально экклезиастическая цензура в отношении телесных, сексуальных *ergo* запретных тем и сюжетов, что повлияло на ограниченность числа и качественность антропологических исследований проституции. Общество фактически оправдывало женскую проституцию, церковь же публично и громогласно ее активно осуждала. Ученым до сих пор приходится сталкиваться с морализмом даже в академической сфере, касающемся в первую очередь проблем секса, которые в оценке социума традиционно относятся к числу “стыдных”, “неприличных” и т.п. Истоки такого видения – в специфике политики и этики европейского средневекового католицизма, воздействовавшего на общественное сознание “дисциплинарной властью”: комплекс постепенно формировавшихся экклезиастических дискурсивных и исповедальных практик способствовал созданию целой системы надзора за индивидом и контроля над ним, как неоднократно отмечал М. Фуко (*Foucault* 1966). Вероятно поэтому и исследования истории проституции, на которые “осмелился” западный научный мир, – достаточно недавнее явление.

Приходится признать правоту итальянских ученых, в частности социолога М. Барбалли, который, проследив историю европейской сексуальности от Средних веков до наших дней, констатирует, что «под влиянием христианской морали пресловутые “развитые страны западного мира” до сих пор рассматривают ее [проституцию] сквозь призму некой аморальности и интерпретируют как постыдный, грязный и порочный весь широкий спектр “любовных дел”» (*Barbagli* 2020: 11). А это, отмечает историк А. Паттуцци, не может не “сказываться на качестве (низком) и количестве (ограниченном) глубоких и объективных исследований секса и связанных с ним форм поведения” (*Pattuzzi* 2020: 14).

Наконец, особенно трудным для антрополога оказывается изучение феномена проституции в ряде регионов преимущественно Средиземноморской Европы, таких как Сардиния, Корсика, Балканы, некоторые районы Греции, Испании и Португалии, которые при всех различиях остаются пасторальными, слабо урбанизированными, патриархальными и культурно-консервативными.

К тому же исторически они существуют в режиме *maschilismo*¹, или фаллоцентризма, если оперировать концептами Ж. Дерриды (Derrida 2014 [1992]: 291), т.е. господствующего положения мужчин, что априори предполагает осуждение любых форм свободы сексуального поведения женщин (Promitzer et al. 2009), к которым относят и проституцию.

В большинстве этих регионов религиозная (католическая) цензура взаимодействует с жестким социальным контролем локального коллектива над личностью (в особенности над женщинами), регламентируя, а порой и табуируя рефлексии на тему секса и любых плотских проявлений и не допуская свободы любовного поведения. При этом необходимо констатировать “почти полную неизученность сексуальной стороны жизни, в первую очередь в народной среде”, что обусловлено не только “сильной исторической закрытостью этих замерших во времени миров перед лицом внешнего мира”, но и определенной “ограниченностью кругозора и пуританством локальных исследователей народных традиций” (Giardelli 2011: 28). Так, в научном сообществе Сардинии, как отмечают многие сардинские ученые (Cossu 2014: 9) и как подчеркивает психиатр Н. Рудас, детально изучавшая психологию уроженцев острова, исследователи до сих пор находятся под спудом жесткой самоцензуры в выборе и освещении многих сюжетов, тем более связанных с сексом. Подобная скованность в интерпретации запретных тем – продукт давления католической культуры и отмеченного в Сардинии массового личностного *pudoratismo* (от исп. *pudoratismo* – “стыдливость, скромность”) как следствия деформации индивида в островной среде под прессом жесткого социального контроля (Rudas 1999: 259).

В настоящей статье мы хотим на примере Сардинии проанализировать феномен и институт платного секса в контексте традиционного, в первую очередь сельского, общества и вековых устоев, т.е. в той системе координат, которую сардинские ученые, заимствуя конкретный исторический термин, обозначающий политический и социально-экономический режим, существовавший во Франции с рубежа XVI–XVII вв. до Великой Французской революции, часто именуют “Старым порядком” (*Ancien Regime*) (Casula 2017: 21). Выбор в качестве объекта исследования деревенской проституции в агро-пасторальной, сохраняющей традиционность Сардинии обусловлен в том числе нашим стремлением опротестовать расхожие, ошибочные представления о том, что в различных регионах Италии и – шире – Европы секс за деньги представляет собой сугубо городское явление (Gibson 1986: 17). Основной акцент в работе делается на женской проституции в сельском коллективе: на ее специфике, терминологии, “потребителях”, функциях, на ее эмическом видении, интерпретациях и оценках деревенским населением в прошлом и настоящем. Обращение к теме проституции, при всей ее специфичности, позволяет нам уделить внимание и более масштабной и неисследованной проблематике: отношению полов, психологии и поведенческим стереотипам населения Сардинии, что дает ключ к пониманию и дешифровке многих граней бытия этого европейского региона (Barthes 1967: 310). Подчеркнем, что наше исследование не имеет аналогов и является первым опытом аккумуляции и анализа в научном дискурсе подобного эмпирического материала.

Мы ограничиваем исследование XX в., поскольку интересующая нас слабо меняющаяся модель традиционного социума, возникшая в древности, сохранялась в горных районах Барбаджи, которым в ходе полевой работы уделялось приоритетное внимание, вплоть до начала XXI в. (многие ее элементы вполне вивальны и сегодня). Кроме того, столетний период, как показали интервью, –

эта та “хронологическая территория”, которую покрывает устная традиция и историческая память нескольких поколений: респонденты передают не только свой непосредственный опыт, но и полученную ими напрямую от отцов и дедов информацию.

В этой связи уместно остановиться на состоянии изученности заявленной темы. Существует единственный труд, принадлежащий перу писательницы А. Галлистру, в котором рассматриваются городские публичные дома Сардинии в конце XIX в. (*Gallistru 1997*). Если учесть, однако, что города в регионе исторически немногочисленны и невелики, понятно, что А. Галлистру затрагивает лишь “верхушку айсберга” и фактически оставляет за скобками весь феномен локальной проституции. Поскольку отсутствуют какие-либо специальные публикации по изучаемой теме, наше исследование основывается прежде всего на полевом материале (результатах многолетних опросов), кроме того, используются данные, почерпнутые из немногих, косвенно затрагивающих проблему проституции работ.

С учетом социокультурных особенностей, специфики морально-этических норм региона, а также освещаемой тематики и отмечаемой исследователями “нелюбви населения к официальным документам вследствие многовекового духа неповиновения любой централизованной власти” (*Pintore 1974: 137*), интервьюирование респондентов проводилось исключительно в устной форме и анонимно, вопросники и анкеты не применялись. Были опрошены мужчины и женщины различных социального статуса, возраста и культурно-образовательного уровня, проживающие в различных районах острова. Отметим, что положительную роль в установлении контакта и организации диалога сыграло то, что интервьюер сам живет в Сардинии и принадлежит к той же социальной среде, что и респонденты, но более всего то, что с некоторыми из них он лично знаком, а многие о нем слышали.

Поскольку речь идет о вторжении в очень интимную сферу жизни, чаще всего затрудненность диалога с респондентами была обусловлена наличием у них определенного психологического барьера, связанного с повышенной закрытостью в отношении сексуальных тем, неготовностью обсуждать их на людях. Такую реакцию обнаруживали представители старших возрастных групп, в первую очередь женщины старше 65 лет, для которых особенно сложно было обсуждать подобные вопросы с лицом другого пола. Для сравнения: мужчины, даже пожилые, значительно свободней говорили на интересующие нас темы, часто не только апеллируя к личному опыту посещения проститутки, но и с определенными бравадой и гордостью описывая его. Молодежь же вообще демонстрировала склонность к более открытому и откровенному диалогу. И тем не менее реплики и краткие ответы даже пожилых женщин убедительно доказали, что тема проституток и секса в целом до недавнего времени была табуирована лишь в общественном измерении – для широкого публичного обсуждения, тогда как в “своей” среде (в первую очередь в гендерно “своей”) и в узком кругу (члены семьи и соседи) она активно обсуждалась, причем даже в далеком прошлом.

Остановимся вкратце на феномене проституции в Сардинии. Нет точных данных, когда секс за деньги появился в регионе, вероятно, это феномен очень древнего происхождения, зародившийся как минимум в период римского господства, что косвенно отмечается некоторыми исследователями (*Barbagli 2020: 10; Gibson 1989b: 47*). Наука не располагает сведениями о проституции ни в эпоху византийского покорения острова, ни в период юдикатов², ни после

завоевания региона Испанией, ни в последующий длительный (вплоть до XIX в.) период; известно только, что в эпоху правления Савойской династии законодательно проституция не была запрещена (Gibson 1986: 90).

Только с момента присоединения Сардинии к королевству Италии и с признанием в 1860 г. проституции как официального института, регламентированного так наз. Законом Кавура (*Legge Cavour*)³, остров, наряду с другими областями страны, получил структурированную, организованную и легальную практику продажи сексуальных услуг. Закон предполагал: жесткую систему полицейского надзора за проститутками; их регистрацию; организацию публичных домов, в которых должны были быть сосредоточены все “практикующие” женщины; постоянную обязательную медицинскую проверку “работниц”; изъятие владельцами борделей документов у проституток; запрет бесконтрольно покидать ими дома терпимости и даже выглядывать в окна этих домов (в соответствии с последним параграфом закона окна в борделях всегда были закрыты ставнями в целях соблюдения “общественных приличий”, что в небольшой степени и предопределило общепитальное название этих заведений: *case chiuse* – “закрытые дома”) (Gallistru 1997: 7–15). Ситуация оставалась такой до 1958 г., когда, согласно Закону Мерлин (*Legge Merlin*)⁴, дома терпимости были закрыты.

Казалось бы, при такой системе организации и контроля со стороны государства мы должны были бы располагать точными статистическими данными о “законно” существующей в Сардинии почти столетие проституции. Действительно, сохранились списки борделей в разных сардинских городах (в первую очередь в наиболее крупных – Кальяри, Ористано, Сассари, Иглезиасе – важном центре горнодобывающего дела, привлекавшем рабочую силу, а также в приморских городах – традиционных очагах продажной любви). В этих списках “заведения” разделены на категории и “классы” – от наиболее дорогих до самых дешевых; порой дается описание предоставляемых ими услуг, способных удовлетворить запросы клиентов на любой вкус и кошелек (искавшим “экзотики” поставляли и девушек “с материка”, и даже иностранок, настоящих и фальшивых).

Есть данные, проливающие свет на целый ряд особенностей борделей: на санитарно-гигиенические условия (очень различавшиеся в зависимости от категории и месторасположения этих домов – в маленьких центрах все было попроще и попроще), в том числе на медицинские проверки (которым всегда подвергались “девочки” и никогда – клиенты); на “качество” женщин (более свежее, ухоженные, красивые, порой даже утонченные работали в дорогих заведениях крупных городов, потрепанные жизнью, “грязные”, грубые, немолодые – на периферии) (Gallistru 1997: 41–58); на разнообразие клиентуры, представленной молодыми и старыми, женатыми и холостыми мужчинами, выходцами из всех слоев общества – “господами”, нобилиями, бедняками, коммивояжерами, приказчиками, полицейскими, военными, моряками, учителями, чиновниками, торговцами и ремесленниками (для многих из них поездка в город часто была поводом навестить в “заведение”). Наконец, мы располагаем биографическими сведениями о некоторых публичных женщинах, не делавших тайны из своего происхождения, рассказывавших об условиях жизни и “привычках” в “закрытых домах” (Ibid.: 190–210).

Тем не менее, несмотря на имеющиеся данные, по ряду причин невозможно дать статистическое и в целом документальное описание феномена проституции в масштабе не только региона, но даже его городского сектора. Отчасти это связано с тем, что многие факты и сегодня не могут быть обнародованы,

поскольку полицейские архивы бессрочно закрыты, а также с тем, что разглашение личных данных конкретных лиц без согласия их потомков незаконно⁵. Кроме того, “учетные книги” борделей, регистрировавшие только работающих женщин, но не фиксировавшие посетителей, не дают представления о масштабах “спроса”. Следует учесть и то, что ввиду сильной ротации кадров в публичных домах “мертвая статистика” числа занятых в них также не позволяет получить полное представление о динамике перемещений и численности проституток в Сардинии и в целом в Италии. Не позволяют оценить параметры проституции в регионе и источники, связанные с системой здравоохранения, поскольку они содержат сводные данные по Югу страны и островам.

Следует учесть и то, что, хотя до 1958 г. проституция официально связывалась лишь с домами терпимости, на практике, в том числе и в Сардинии, помимо “девочек из заведений”, клиентов в городах обслуживали и женщины “на панели”, как правило, сельские жительницы, предпочитавшие “работать” автономно, чтобы не делиться заработком с сутенершами и содержательницами домов. На Юге Италии и островах таких “свободных работниц” было особенно много (правда, в Сардинии меньше, чем где-либо) (*Gallistru* 1997: 9), а точную их численность не знал никто, даже полиция, тем более что в условиях “южной нищеты” многие женщины занимались проституцией окказионально в качестве дополнения к своей основной работе, тщательно скрывая эту сторону своей жизни от односельчан, к которым им приходилось рано или поздно возвращаться.

И, наконец, как уже говорилось выше, практически неосвещенной остается ситуация в сельской местности – в деревнях, в своей совокупности составлявших большую часть “социальной ткани” Сардинии. Как показали самые первые наши опросы и этнографические изыскания, здесь также существовал свой рынок платных сексуальных услуг – по сравнению с городским значительно более скромный, хаотичный, неупорядоченный и уж точно намного более латентный, о котором известно очень мало. Однако без реконструкции картины “продажной любви” в сельской местности нельзя говорить об изученности феномена проституции в Сардинии.

Во многих деревнях острова – чаще в равнинных, чем в горных – встречались женщины, профессионально торговавшие своим телом и обслуживавшие клиентов преимущественно из своего поселения, реже из окрестных мест. Обычно они занимались своим ремеслом в собственном доме без чьей-либо защиты и посредничества, а при необходимости охотно предоставляли услуги высокопоставленным клиентам, особенно “местным синьорам”, не только не скрывая, но часто и специально привлекая внимание соседей к их визитам, поскольку такого рода связи приносили им хороший доход и повышали их статус в родной деревне.

Пейоративные эпитеты, которыми “награждали” блудниц, часто становившиеся своего рода “фамильным гербом”, клеймом, раз и навсегда метящим в деревне не только их самих, но и всех представителей их рода (от предков до потомков), передают характер восприятия проституток в народной среде. Обычно их именовали “шлюха квартала” (сард. *bagassa 'e qualtieri*; от каталан. *bagassa* – “проститутка”) или “шлюха карабинерная” (сард. *bagassa 'e crabineris*) – поскольку их частыми клиентами были присутствующие во всех сардинских деревнях представители корпуса карабинеров. Уместно отметить, что второй эпитет отличается значительно более тяжелым, оскорбительным смыслом и является скорее не “профессионализмом”, а инвективой, которая может прозвучать в адрес любого человека, которого хотят втоптать в грязь. Это связано с

тем, что в Сардинии такие профессии, как карабинер или полицейский, в силу сохранения норм обычного права и присущего населению “духа вольницы”, не пользуются популярностью, и на остров традиционно направляются представители правоохранительных органов, родившиеся в других регионах Италии. Ввиду неместного происхождения и “позорности” занятия они не пользуются любовью местных жителей, а общение с ними до сих пор считается постыдным и неприличным⁶.

Как сообщают респонденты, в различных частях острова, помимо термина *bagassa*, фигурируют и его синонимы, имеющие метафорический характер и несущие морально-оценочную нагрузку. Например, *corroghna* – производное от каталанского *carronya*, т.е. “падаль”; *mala*, т.е. “плохая”; *bruxa*, т.е. “ведьма” (от каталан. *bruixa*); и – что показательно – *sinagoga*, что в Сардинии также означает ведьму. Таким образом, употребляются слова, с давних времен в народном словаре обозначающие мерзость и зло (ПМА). Наряду с ними распространен также грубейший эпитет *ilburrescia*, дословно переводимый как “смердящая (мужским семенем)”, означающий в Сардинии женщину нечистую, бесстыдную, вульгарную. Встречается также номинация *illimada*, или “лишенная языка”, которой, как ни странно, характеризуют как раз крайне невоздержанную на язык, крикливую, скандальную женщину (ПМА). Оба термина (*ilburrescia*, *illimada*) подразумевают некие отклонения от нормы: в первом случае моральную или духовную деградацию, во втором – девиацию поведения, выходящую за рамки чисто сексуальной и телесной сфер. Одновременно с этими эпитетами по отношению к деревенским проституткам иногда применяют оскорбительные метафоры “кобыла” (сард. *eba* или *egua*) и “коза” (сард. *craba*), которые призваны подчеркнуть похотливость блудниц, их “животную природу”, “скотство”.

Заслуживает внимания и широко распространенный в Сардинии идиоматический оборот “рев осла и проклятия проститутки не достигают небес” (сард. “*corrixinu ‘e molente e frastimu ‘e bagassa no altzad’ a celu*”): в народном видении все изрекаемое дурнем (а в Сардинии коннотат “осла” – “глупец”) и блудницей не заслуживает внимания и недостойно уважения; им отказывают в праве доступа к тому, что в традиционном деревенском сардинском сообществе составляет символическую основу социальной и культурной жизни.

Однако даже при наличии в деревнях столь широкого спектра явно пейоративных оценочных клише для проституток нельзя утверждать, что в повседневности отношение к этим женщинам было безоговорочно негативным. Так, метафорами *eba/egua* и *craba* по традиции значительно чаще характеризуются не профессиональные проститутки, а доступные женщины, практикующие свободный секс. В отличие от этих “вольных” одиночек, “развратниц” (сард. *pessimas*), становящихся в деревне объектами жесткой критики и гонений в основном со стороны женского сообщества, *bagassa* – женщина работающая, в сознании сельского коллектива “не опасна” и воспринимается не как потенциальная разрушительница семьи и семейной идиллии, а скорее как некая органичная для сообщества данность, пусть нечистая, маргинальная и социально дисквалифицированная, но вполне традиционная и нужная, отвечающая потребностям и запросам, по крайней мере мужской части деревни. Например, в адрес проституток никогда не исполняли *sa corredda* – “шаривари”, которым даже в 70-е годы XX в. в деревнях провожали матерей-одиночек, а также пожилых вдовцов, осмелившихся жениться на молодых девушках и тем самым нарушить механизм функционирования традиционных брачных практик и “нормы распределения” невест в локальных коллективах (ПМА).

Интервью убеждают в том, что в прошлом в деревнях отношение к проституткам не было доброжелательным, но при всей грубости вербальной непочтительности номинаций оно не было и агрессивным, скорее умеренно-толерантным, иногда снисходительным, даже ироничным и саркастичным (ПМА), что нашло свое отражение и в народной поэзии, в которой фигура проститутки – частый сатирический топос (*Sulis* 1979: 94–100). Более того, с *bagassas* в деревнях шли на контакт даже во внесексуальной сфере, поскольку наделяли их определенной магической силой: к ним обращались за помощью в тех случаях, когда требовалось сделать любовный приворот или изготовить амулеты от любовных страданий; считалось, что “они это могут” (ПМА).

Продолжая тему эмического видения населением сельских “жриц” платной любви, оценки их места и статуса в народной культуре, необходимо сделать, возможно, несколько неожиданное отступление и сопоставить проституткок с другими “сексуальными маргиналами” – истинными париями в сардинских деревенских сообществах. Речь идет о мужчинах, вступавших в однополые связи. В целом, как признают исследователи, региону никогда не был присущ гомосексуальный тип отношений в сколь-либо значительном масштабе (*Barbagli, Colombo* 2001: 119; *Barbagli et al.* 2010: 140); нет и каких-либо прямых указаний на существование в Сардинии мужского рынка проституции, тем более в деревнях (рынок гомосексуальных услуг появился лишь в конце XX в. в сардинских городах, где его подпитывают мигранты-виадос – активные и пассивные транссвеститы и транссексуалы из Латинской Америки).

Содомия, безусловно присутствующая на острове, как и везде, была крайне редкой и исключительно гомосексуальной практикой, которую в традиционной Сардинии исторически характеризует преимущественно поиск и покупка секса пассивным его участником, а не продажа сексуальных услуг активным. Поясним: по сути, гомосексуальные отношения в их сардинской ипостаси, особенно в деревнях, были прежде всего и чаще всего “запасным вариантом” для мужчины традиционной ориентации. Учитывая исторически жесткую запретность добрачных гетеросексуальных отношений, ограниченное число “свободных” женщин и трудность доступа к ним, а также то, что проститутки встречались далеко не в каждой деревне, мужчина окказионально шел на отношения с лицом своего пола за вознаграждение, при этом он тщательно скрывал как такого рода контакты, так и получение денег за них.

Но сколь бы редкими ни были случаи однополых связей между мужчинами, суждения о тех, кто вступал в них, в деревнях внутренних районов Сардинии, не говоря уже о еще более консервативном пастушеском ареале, отличались жесткостью, непримиримостью и никогда не смягчались. Гомосексуалист или содомит (“урожденный” или “вынужденный”) при выявлении факта “греха” всегда подвергался общественному ostracismu, а для идентификации такой фигуры использовался только один термин, который в сардинском языке не имеет синонимов, а именно – *caghineri* или *caghinu* (в пер. с сард. “какун”), что буквально и предельно точно указывает на конкретную часть тела, предоставляемую в половом акте пассивным партнером, и, следовательно, явно обозначает тип сексуальных предпочтений.

Дополнительная коннотация телесного характера подразумевает отсылку к копрологическому, грязному, не просто звериному, но анимально-маргинальному началу. В отличие от проституткок, обнаруживавших отклонения “человеческого плана” (даже когда их сравнивали со скотом), вольный или невольный гомосексуалист в народном видении органично принадлежал к другому таксономиче-

скому ряду – к животным, нечистым бестиям; культурное расстояние, отделяющее грешника от сообщества людей, на которое указывает термин *caghineri*, предстает непреодолимым. Так, даже в 70-е годы XX в. отмечались случаи, когда выявленного *caghineri* усаживали задом наперед на осла и изгоняли навсегда из деревни, хотя и не бросали в него камнями, как в прошлом (ПМА). Вплоть до недавнего времени в деревне достаточно было прилюдно назвать мужчину *caghineri*, чтобы подписать ему “приговор”: такое оскорбление означало социальную смерть в локальном коллективе как для него, так и для его домохозяев. У опозоренной семьи был один выход: уход из деревни, а в горах – еще и инициированная оскорбленным кровная месть, поскольку подобные инвективы необходимо было смывать кровью (ПМА). Очевидно, что позиция, занятая деревенским населением по отношению к блудницам (даже если их именовали крайне грубо), всегда отличалась большей снисходительностью суждений и допускала широкое взаимодействие (в том числе и внесексуальное) с ними, что было обусловлено различными факторами: отношением к проституции со стороны закона и религии, практическими соображениями, происхождением занимающихся этим женщин.

Следует вспомнить о том, что проституция была легализована и в Сардинском королевстве (Gibson 1986: 90), и в итальянском государстве. Церковь же, как говорилось выше, апеллируя к идеям св. Августина и св. Фомы Аквинского и ограничиваясь моральным осуждением блудницы и блуда, на протяжении своей истории негласно, а порой и вполне открыто поощряла женскую проституцию, оценивая ее как “меньшее зло”: в ней видели средство борьбы с содомией и гомосексуализмом и считали, что она необходима для утоления желаний мужчин, поддержания мира в социуме, бесперебойного функционирования общественной жизни. Вопросы церковной оценки сексуальных норм и приоритетов стали педалировать в Сардинии в период с XIV по XVIII в., когда регион находился под властью Испании: население “близко познакомилось” с деятельностью испанской инквизиции, которая не трогала женщин-проституток, но отправляла на костер мужеложцев (Renda 1997: 240).

Кроме того, как подчеркивали респонденты, терпимость к блудницам, несмотря на их маргинальность, в немалой степени была обусловлена их принадлежностью к локальному коллективу: они были “своими”, люди знали их корни, их предков, и данный факт примирял деревню с их существованием; как повторяли многие отвечающие, “чужой мы бы такого не простили” (ПМА). Кроме того, все относилось с пониманием к профессиональному выбору *bagassa*, зная, что на “позорное (вонючее) ремесло” (сард. *su laore pudesciu*) ее толкали чаще всего голод и нищета (ПМА). Однако в первую очередь толерантность сельской среды к проституции была продиктована даже не многовековыми церковными индульгенциями в отношении блудниц, а прагматикой – тем, что в деревнях на фоне абсолютно подавленных проявлений мужской сексуальности на платную любовь существовал широкий спрос.

Взрослые мужчины, преимущественно холостяки, превалировавшие в мужском населении деревни, по большей части и были клиентами *bagasse*, особенно в горах, где в среднем женились в достаточно зрелом возрасте (в 28–30 лет). “Отсрочка” начала регулярной семейной, т.е. “законной” с точки зрения локального коллектива, жизни в Сардинии была обусловлена экономическими факторами: население было бедным, и мужчина был вынужден долго копить средства, чтобы отделиться от отцовского хозяйства с частью стада и построить собственный дом (Oppo 1990: 76; Angioni 1990: 11–22). Долгое пре-

бывание деревенских мужчин в статусе свободных холостяков в условиях отсутствия добрачных сексуальных отношений в конечном итоге подпитывало спрос на платные сексуальные услуги.

Но не в меньшей степени интерес к институту проституции проявляли юноши, для которых общение с *bagassa* принимало очертания обучения, формирующей практики, которую нужно было пройти, чтобы стать взрослыми. Напомним: речь идет о традиционном сардинском обществе, в котором первые примеры добрачных отношений деревенской молодежи появились лишь к 80-м годам XX в. – едва ли не позже всего в Италии (*Giardelli* 2011: 22), а в конце 1960-х годов о подобном никто не отваживался даже подумать (*Anfossi* 1968: 47–48).

За исключением подростков из пастушеских семей в горах, которые во время сезонных перекочевок отар спускались на равнины, где, как правило, и получали свой первый сексуальный опыт (на примере пастухов мы остановимся ниже), для большей части юнцов вплоть до второй половины XX в., а в некоторых районах Сардинии и значительно дольше, первое приобщение к радостям жизни, сексу и вину, было обычно связано с обрядами перехода “во взрослые”, имевшими общественный характер и осуществлявшимися в связи с призывом в армию (ПМА). Получение повестки – весьма ожидаемой юношами и членами их семей, хорошо осведомленными о сопутствующих ей “радостях” и об их важности в процессе созревания молодежи – это событие, которое в каждой деревне сообщало отмечалось призывниками. Собравшись вечером, вначале они палили в воздух (в первый раз не тайком, а в открытую, с разрешения и “благословения” *is tannos* – стариков деревни), а затем все вместе устраивали на площади деревни “большое питье”, “большую пьянку” (сард. *buffada/imbriaghera manna*) (*Pepe* 2018: 23–25). На следующий же день новобранцев отводили к деревенской проститутке или отвозили к городской (часто речь шла о первом визите юношей в город). Такое посвящение в мужчины должно было продемонстрировать триединство грамотного обращения с оружием, вином и женщиной, а сексуальное паломничество представляло собой заключительный этап “перехода в мужчины”. Заинтересованная сторона, молодежь, нетерпеливо ждала не только приобщения к новому опыту, но и следующего за ним общественного признания и наконец достигнутого статуса *omine* (“мужчины”) – взрослого и зрелого человека в том значении, которое римляне вкладывали в латинское понятие *vir*; не случайно считалось, что получение повестки дает молодому человеку право обручиться (ПМА).

Все расходы за “первый раз”, будь то в городе или в деревне (местная проститутка обходилась дешевле, зато визит в город выглядел более престижным), чаще всего брал на себя отец призывника, однако близкие родственники (особенно дядя, если они все еще были холостыми), не задавая лишних вопросов, по случаю получения повестки делали денежные подношения; в деревне все знали, что деньги, откладываемые заранее или получаемые в дар, “также служили этому” (ПМА). Женская родня призывника – его мать, сестры, тети, в соответствии с местным кодексом приличий, при этом делала вид, что ничего не знает, однако все были прекрасно осведомлены об этой практике, связанной с призывом на военную службу, “по умолчанию” одобряли ее и расценивали как необходимый опыт, как пропедевтику брака, проверку физиологической нормальности их мальчика (ПМА).

Интервью убедительно продемонстрировали, что в эпизоде с призывом, в отличие от других социальных сценариев внутридеревенских отношений,

самоцензура индивида, продиктованная сильным чувством стыда, проявляется исключительно сильно. В адрес тех, кто освобождался от призыва или оказывался “отброшен”, как в народе обозначали выбраковку призывника военной комиссией, со стороны сверстников и всего деревенского сообщества звучали завуалированные насмешки в форме определенных песен или частушек. В глазах деревни *iscaltau* (“не прошедшие отбор”) были “слабаками”, не выдержавшими испытание, сексуально несостоятельными и потерпевшими личное поражение. Они становились париями, не получавшими доступа к радостям продажной любви, лишавшимися праздника призывников. У них развивался комплекс неполноценности, поскольку ровесники не считали их полноправными членами своей возрастной группы; отсвет позора падал также и на их семьи. Возвращение в сообщество, социальная реабилитация, восстановление дружеских отношений со сверстниками происходили лишь тогда, когда после некоторой отсрочки юношу все же призывали.

Как уже говорилось ранее, особым было положение пастухов и молодых людей из пастушеских семей, занятых из года в год в *sa tramuda* – сезонной перекочевке отар и стад из горных районов на равнины. Хотя пастушкí и участвовали наряду с другими сверстниками в обряде посвящения, но имели некоторые преимущества перед ними, поскольку раньше получали опыт платного секса в новых местах перекочевки. Географически эти места располагались рядом или в границах районов “горного дела” (добычи серебра, свинца, угля). Так, в регионе Сульчис-Иглесиенте, наряду с городскими (“зарегистрированными”) девицами, которые до 1958 г. размещались по преимуществу в “закрытых домах”, “работало” большое число ускользящих от контроля власти, “гастролирующих” местных деревенских проституток, привлеченных постоянным притоком сюда мужской рабочей силы.

Именно “гастролерши” по собственной инициативе направлялись на пастбища и в овчарни – они предлагали свои услуги, а иногда на короткие периоды и поселялись там. Чтобы обслужить пастухов, при перекочевках объединявших стада и работавших семейными артелями, а посему селившихся вместе, с ними без посредников работали и “семейные артели” проституток, часто состоящие из матери и дочерей. (Как правило, речь шла о вдовах, передававших свое ремесло по наследству.) Поскольку пастухи годами возвращались в одни и те же места, между ними и ежегодно приходившими к ним женщинами, часто одними и теми же, нередко устанавливались близкие и теплые, своего рода дружеские отношения, выходявшие за рамки сугубо телесных контактов, немыслимые, например, при общении девки и клиента в деревне. Как рассказывали пожилые пастухи, оплата проституток не всегда производилась деньгами, часто с ними расплачивались молочными продуктами (молоком, творогом, сыром), реже мясом (ПМА).

Причины массового стремления проституток к местам дислокации пастухов, часто менее состоятельных, чем, например, рабочие на шахтах, раскрывают полевые данные. Из интервью вытекает, что мужчины с гор всегда обладали особой притягательностью для жительниц равнин. Эта “тяга к выходцам из высокогорья” (*tiranta a is cabesusesos*) была обусловлена тем, что пастухи ассоциировались с независимостью, кроме того, в сравнении с местными мужчинами, они выглядели и были более сильными, суровыми, немногословными, отчасти загадочными, воплощая в женских глазах некий идеал мужественности и брутальности. Пожилые респонденты-горцы неоднократно с восторгом вспоминали, “с каким пылом в давние времена их встречали девочки с равнин”

(ПМА). Таким образом, очевидно, что, помимо голого экономического расчета, во взаимоотношениях проституток с клиентами иногда находилось место и чисто человеческим “живым” симпатиям и предпочтениям. Кроме того, “кочующих” деревенских девиц отличала определенная свобода и независимость профессионального поведения: несмотря на сильнейшую нужду, побуждавшую их торговать своим телом иногда даже не за деньги, а за скудный паек, они могли позволить себе выбирать клиентов, что ставило их на другой качественный уровень по сравнению с городскими “коллегами”, которые должны были безропотно удовлетворять кого угодно.

Наиболее частыми потребителями “полевых” услуг были, конечно, не подростки, не имевшие экономической самостоятельности и финансовых возможностей, а взрослые пастухи (пастушки “получали” женщину лишь когда старшие, часто вскладчину, продуктами или деньгами оплачивали им первый сексуальный контакт). В случае самых юных представителей пастушеских артелей желанный доступ к описанному в рассказах о мужском мире эротическому опыту был изначально опосредован информацией и поддержкой, т.е. “теоретической подготовкой”, исходившей от пастушков постарше (общение представителей близких по возрасту групп было менее отягощено и коррозировано стыдом), но никак не от взрослых, которые фактически отстранялись от какого-либо просвещения юных, их сексуального воспитания и обсуждения с ними эротических сюжетов (в силу неоднократно упомянутой “закрытости” в отношении табуированных тем), запретных при общении с людьми “не своего круга”, особенно с младшими.

Даже сегодня редкие разговоры на эротические темы, которые могут вести между собой взрослые сардинцы, особенно горцы-пастухи, отличает крайняя сдержанность. В таких беседах отмеченный ранее *pudorismo* задает тон языку, становящемуся метафоричным и тяготеющим к эвфемизмам и преимущественно алиментарным сравнениям: например, чтобы обозначить грудастую или наделенную аппетитным задом женщину, используют выражение (*polta pistoccu in beltula* – “имеет) булки в переметной суме”, а процесс соития или его кульминацию передают оборотом *abbare s'oltu* – “поливка огорода” или *cammiare l'abba a s'olia* – “смена воды при вымачивании маслин”.

Хотя описываемые особенности языка и поведения сардинцев на первый взгляд не имеют прямого отношения к объекту исследования, тем не менее мы считаем необходимым остановиться на них, так как они проливают свет на характеристики традиционной Сардинии и той социальной среды, к которой принадлежали как деревенские женщины, продававшие свои сексуальные услуги, так и покупатели этих услуг – т.е. говорят о времени, месте и качестве той почвы, на которой вырос и существовал феномен сардинской деревенской проституции.

Все аффективные проявления сардинцев пропускаются через жесткие фильтры сдержанности, подавляющие в зародыше чувствительность и сентиментальность. Совершенно нормальные в других средиземноморских регионах (*Anfossi* 1968: 58; *Rudas* 1999: 281), в Сардинии они определяются как “женская слабость”, “женские штучки”. Даже в повседневной жизни в отношениях между родственниками, супругами и особенно между родителями и детьми принято избегать любых проявлений чувств (*Anfossi* 1968: 59). Показательно, что даже сегодня дети, обращаясь к отцу или матери, используют личное местоимение второго лица *Fosté* – производное от иберизма *Usted* (в пер. с исп. “Вы”), что красноречиво характеризует межпоколенные отношения и чувства детей к

родителям, их зависимость от авторитарных старших, ощущение страха и необходимость соблюдения социальной дистанции (Ibid.: 58). Контроль аффективных проявлений (самоконтроль) дозирует, кажется, каждую эмоцию, смягчает любой импульс к выражению чувств, даже радостных.

В Сардинии и мужчины, и женщины, даже близкие родственники, приветствуя друг друга при встрече, старательно избегают не только тесного физического контакта (рукопожатий, объятий и поцелуев), столь частого и привычного в других регионах Средиземноморья, но и обильных словесных излияний. Любые вербально-аффективные и корпорально-поведенческие “излишества”, тем более “на людях”, увиденный окружающими неподходящий (с точки зрения локального коллектива) жест и публичное выражение чувств в Сардинии именуются *locuras* (от исп. *locura* – “безумие”) и рассматриваются как нечто ненормальное, как срыв, истерика, акт скандального поведения. Контролерами соблюдения умеренности и строгими социальными цензорами чаще всего являются женщины, которые, обнаружив прилюдное нарушение норм поведения, спешат заклеить возмутителя порядка максимально громогласно и публично, именуя произошедшее *sa irgonza* (“стыд, скандал”), и тем самым инициируют репрессии, запуская различные практики остракизма, или социальную месть в отношении нарушителя (Gallini 1977: 29–30).

По понятным причинам интервью с большим трудом позволяют реконструировать характер взаимоотношений деревенской проститутки и клиента. Однако, судя по всему, эти контакты вполне отвечали вышеотмеченным поведенческим стандартам: не выходили за рамки сугубой телесности, всегда отличались предельной бесстрастностью, безэмоциональностью обоих партнеров и практически никогда не сопровождалась разговорами, что радикально отличает Сардинию от других регионов Италии, например Сицилии или Кампании (Rudas 1999: 291).

Как уже говорилось, перекочевки, длившиеся полгода, позволяли пастухам хотя бы на время решить проблему удовлетворения мужских потребностей. В оставшиеся месяцы холостые пастухи находились в родной деревне, где они, как и неженатые крестьяне, были вынуждены обращаться к услугам профессиональных проституток или маргинальных деревенских жительниц – разбитных, неизвестно чем промысляющих вдов, сборщиц хвороста, торговки дровами и углем, пекарш, прачек, иногда *bruxas*, которым продажа своего тела давала побочный заработок наряду с основным источником дохода. Кроме того, как рассказывают пожилые респонденты, в некоторых равнинных деревнях, где нравы были помягче, нежели в горах, наряду с вышеперечисленными категориями “платных женщин”, существовали и представительницы слабого пола, которые, пусть и окказионально, также предоставляли сексуальные услуги за вознаграждение. Речь идет о достаточно немногочисленных, вполне независимых экономически женщинах с более либеральными взглядами, имевших опыт пребывания и работы в городе: вернувшись домой, они превращали свободную любовь если не в профессию, то в хорошо оплачиваемую привычку; некоторые “подрабатывали” не только в деревне, но и в ее окрестностях, что позволяло создать круг постоянных посетителей и поклонников (ПМА).

В отличие от профессиональных проституток, к которым относились бесстрастно и предельно потребительски, и “маргиналок”, вызывавших презрение и едва ли не гадливость, именно последняя категория “жриц любви” была источником безбрежных сексуальных фантазий и окрашенного эмоциями ожидания не только для взрослых мужчин, но и для подростков, еще не приобщен-

ных к плотским радостям или “начинающих”. Именно эти женщины свободных нравов (как и *bagassas*) становились “учительницами” для деревенской молодежи в вопросах полового воспитания (но котиrowались они значительно выше проституток). Именно их именовали *mastra ‘e coju* – в буквальном переводе “мастерицы соития” (этот термин до сих пор табуирован для женщин; любопытно и показательно, что он относится к числу редких в Сардинии откровенных мужских лексем, своего рода “эротонимов”) (ПМА). Но эти же женщины – поскольку они, в отличие от деревенских проституток, имели значительно более широкий круг “общения” – чаще всего воспринимались и становились источником угрозы, о которой подростков не уставала предупреждать женская половина семьи, пугая риском заражения “французским злом” (*su male franzesu*; это общее определение различных венерических заболеваний), которое разносили эти *impestadas* (“зачумленные, инфицированные”), т.е. грязные создания.

В завершение исследования отметим, что сегодня, согласно официальным данным, Сардиния занимает последнее место среди итальянских областей по числу проституток (как местных, так и эмигранток). По большей части “жрицы любви” сконцентрированы в зоне Коста-Смеральда (*Costa Smeralda*, “Изумрудный берег”) – элитного курорта на севере острова. Хотя в последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения числа городских проституток, а описанный нами “традиционный” деревенский опыт в основном ушел в небытие, растет число “эскортниц”, женщин, предоставляющих за плату виртуальные сексуальные услуги (*Disagio giovanile* 2022), а также местных несовершеннолетних, окказионально вступающих в сексуальные контакты за плату (проституция в Сардинии относится к числу наиболее молодых в Италии) (*Melissari* 2017).

Большинство наших респондентов (98%), сравнивающих, преимущественно отвлеченно, вчерашнюю и сегодняшнюю проституцию в Сардинии, жестко раскритиковали современные ее проявления. При этом, к нашему глубокому удивлению, практически все, даже пожилые сельские женщины, положительно оценивали и полностью оправдывали прошлый опыт, тем более деревенский (ПМА). Дело здесь, на наш взгляд, вовсе не в свойстве человеческой природы идеализировать прошлое и с ностальгией оглядываться назад, на времена своей молодости, и даже не в присущих сардинцам тяге к традиционности и стремлению защищать все “свое”, а в более рациональном подходе к проблеме. Так, основным объектом критики и неприятия населением сегодняшних реалий продажного секса становится тот факт, что его молодые “активистки” движимы не бедностью и голодом, как их предшественницы, но исключительно желанием легкой жизни – стремлением обеспечить себе фиксированное рабочее место, “быстрые” деньги, карьерный рост, богатые подарки, что в глазах респондентов делает их бесстыжими, аморальными и даже внеморальными и свидетельствует, по мнению опрошенных, о падении нравственности и этики в регионе (ПМА).

Подобное развращение нравов, по мнению респондентов, обусловлено целым рядом причин: экономической и социокультурной модернизацией Сардинии, начавшейся в 80-е годы XX в. и вызвавшей, с одной стороны, подъем благосостояния, с другой – кризис традиционного общества и его устоев; повышением социальной мобильности населения, позволившим людям физически покинуть привычное место обитания и тем самым ускользнуть от бывшего действенного социального контроля; общей либерализацией нравственной атмосферы на национальном уровне, затронувшей и Сардинию; “разлагаю-

щим” влиянием феминисток, приведшим к развращению женщин, их социально-психологической дезориентации, утрате ими своего, апробированного временем социального места в обществе.

Прежние модели сардинской проституции, в том числе и деревенской, защищает в первую очередь подавляющее большинство опрошенных мужчин (99%), в основном это холостяки среднего по сардинским меркам возраста (45–60 лет), потерявшие в лице блудниц возможность легкого решения своих “проблем”. С еще большей ностальгией о *bagassas* вспоминают, например, лица, отягощенные комплексами, “зажатые”, которым нелегко установить какие-либо сексуальные контакты с женщинами, особенно в узких рамках деревень, незначительно изменивших свой былой социальный микроклимат. Перед такими людьми, по их признанию, маячит (пусть и вдалеке) позорная и отвращающая их перспектива спорадических сексуальных контактов с редкими, но все же существующими *caghineri* (ПМА). Нейтральную и позитивную позиции по отношению к “традиционной” проституции и критическую – по отношению к современной, оцениваемой как “криминальная”, “чужеродная”, “извращенная” (“это делается ради больших денег”), занимают молодые респонденты (от 18 до 30 лет), незнакомые с этим явлением (“нам этого не нужно”), поскольку им вполне хватает контактов с подружками-сверстницами в городе или деревне.

В процессе интервьюирования нас удивил и впечатлил тот факт, что практически 100% опрошенных, вне зависимости от пола, возраста, происхождения, социальной принадлежности и культурно-образовательного уровня, высказались за необходимость легализации проституции в Италии как “официальной профессии”. Это, на наш взгляд, не может быть списано на влияние, например, не пользующихся в Сардинии большой популярностью феминисток, а является скорее “отголоском” и свидетельством бытовавшего ранее в регионе вполне положительного (чем бы оно ни было вызвано) отношения к *bagassas*. Не менее удивительными и впечатляющими оказались откровения большинства респондентов обоих полов (за исключением, пожалуй, пожилых деревенских женщин старше 65 лет, всегда придерживающихся “высокоморальности” и строгости суждений), утверждавших, что возможное социальное осуждение со стороны окружающих не может повлиять на их готовность поддерживать дружеские отношения с проституткой.

Несколько слов о мужском “полюсе” проституции. По официальным данным, Сардиния занимает последнее место в Италии по числу гомосексуалистов, тем более локального происхождения. Неизменным остается и неприятие социумом однополых контактов: регион лидирует по проявлениям жесткой (вплоть до убийства лиц нетрадиционной ориентации) гомофобии (*Melissari* 2017). Однако – и об этом очень скупое и завуалированное говорится в интервью – в деревнях до сих пор встречаются взрослые, даже женатые мужчины традиционной ориентации, которые “сделали это”, выступив в качестве активного партнера по просьбе пассивного в обмен на деньги; правда, из этой практики полностью исключена молодежь в возрасте от 18 до 35–40 лет. В наши дни социальный контроль уже не столь жесткий, тем не менее в случае выявления и предания огласке подобных связей “плата” за них по-прежнему велика (ПМА).

Возвращаясь к традиционной проституции и подводя итоги, можно отметить, что в эмическом видении населения Сардинии этот исчезнувший феномен (в силу ностальгии) кажется тем ценнее, чем дальше уходит эпоха его бытования, а *bagassas* оцениваются все чаще положительно. Порожденный нищетой, институт проституции в ответах респондентов фигурирует не просто как сред-

ство выживания в социуме, но как органичный элемент локального коллектива, своего рода его скрепа.

Примечания

¹ Термин *maschilismo* – не путать с мачизмом (проявлением агрессивной маскулинности, желанием показать свое превосходство над другими особями мужского пола, или обычным мужским шовинизмом) – устойчивый неологизм, возникший в 60-е годы XX в. в Италии, а затем вошедший в оборот и в других европейских странах. Обозначает исторически сформировавшуюся или социокультурно обусловленную склонность к поведению и ментальным конструкциям (персональным, социальным, культурным), согласно которым мужчины в целом (или некоторые из них) демонстрируют убежденность в своем априори гендерном, сугубо мужском превосходстве над женщинами в биологическом, интеллектуальном, психологическом плане (*Maschilismo n.d.*).

² Юдикаты – наследственные феодальные владения, на которые Сардиния делилась в период с X в. до начала XV в.

³ Закон назван по имени утвердившего его графа Камилло Бенсо ди Кавура – итальянского государственного деятеля, премьер-министра Сардинского королевства и первого премьер-министра Италии, сыгравшего исключительную роль в объединении страны.

⁴ Закон был назван по имени Анджелины (Лины) Мерлин – итальянского политика, социалстки, автора проекта закона, отменившего существование публичных домов в Италии.

⁵ Тот факт, что автор “Истории проституции в Сицилии” А. Кутрепа (*Cutrerà* 1971) в начале XX в. оперировал точной статистикой по вовлеченным в проституцию женщинам в регионе, объясняется просто: будучи видным следователем-криминалистом и высоким полицейским чиновником, он по долгу службы имел доступ к данным, недоступным простым смертным.

⁶ Маркером отношения к представителям правоохранительных органов может служить незначительный бытовой эпизод, произошедший в конце 90-х годов XX в. в Аритцо (пров. Нуоро): мать, узнав, что взрослая дочь “связалась” с карабинером, оплакала ее как умершую, раздирая ногтями лицо и причитая, и для реабилитации семьи сделала это публично, на улице, чтобы сцену видели соседи (ПМА).

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора. Сардиния (Барбаджа, Иглезиас, Кампидано, Бароние, Сассареце). 2020–2022 гг. Опросная группа 243 человека.

Disagio giovanile 2022 – Disagio giovanile: cresce in Sardegna la prostituzione digitale // Cagliariipad.it. 04.05.2022. <https://www.cagliariipad.it/562950/disagio-giovanile-cresce-in-sardegna-la-prostituzione-digitale>

Foucault 1966 – Foucault M. L'utopie du corps // Radio Feature. 07.12.1966. <https://www.youtube.com/watch?v=NSNkxvGIUNY>

Gallistru 1997 – Gallistru A. Venditrici di sesso nella Sardegna dell'Ottocento. Cagliari: AM&D, 1997.

Maschilismo n.d. – Maschilismo // Treccani. n.d. <https://www.treccani.it/vocabolario/maschilismo>

Melissari 2017 – Melissari L. Quante sono le prostitute in Italia, da dove vengono e

chi sono i loro clienti // TPI.it. 11.01.2017. <https://www.tpi.it/news/prostituzione-italia-dati-2017011127528>

Sulis 1979 – *Sulis B.* Poesias. Cagliari: BT, 1979.

Научная литература

Anfossi A. Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano, Bosa, Macomer. Milan: Franco Angeli, 1968.

Angioni G. Note sulla famiglia sarda tradizionale // *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* / a cura di A. Oppo. Brescia: La Tarantola, 1990. P. 11–22.

Barbagli M. Comprare piacere. Sessualità e amore venale dal Medioevo a oggi. Bologna: Il Mulino, 2020.

Barbagli M., Colombo A. Omosessuali moderni: gay e lesbiche in Italia. Bologna: Il Mulino, 2001.

Barbagli M. u Dalla Zuanna G. u Garelli F. La sessualità degli italiani. Bologna: Il Mulino, 2010.

Barthes R. Système de la mode. Paris: Du Seuil, 1967.

Casula F.C. Breve storia di Sardegna. Sassari: Carlo Delfino, 2017.

Cossu N. L'amore negli occhi. Rapporti tra i sessi e formazione della coppia nella società agropastorale sarda. Sassari: Carlo Delfino, 2014.

Cutrerà A. Storia della prostituzione in Sicilia. Palermo: Stampatori Associati, 1971.

Derrida J. Resistenze. Sul concetto di analisi. Napoli: Orthotes, 2014 [1992].

Gallini C. Tradizioni sarde e miti d'oggi. Dinamiche culturali e scontri di classe. Cagliari: EDES, 1977.

Giardelli P. Guardare ma non toccare. L'amore nelle società rurali. Recco (Ge): Le Mani–Microart'S, 2011.

Gibson M. Prostitution and the State in Italy, 1860–1915. New Brunswick: Rutgers University Press, 1986.

Gibson M. Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo // *La storia della prostituzione* / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989a. P. 40–46.

Gibson M. Il caso italiano // *La storia della prostituzione* / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989b. P. 47–50.

Maksimowski S. A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work // *The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 23–38.

Oppo A. La nuclearità della famiglia in Sardegna // *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* / a cura di A. Oppo. Brescia: La Tarantola, 1990. P. 73–101.

Pattuzzi A. Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980. Sesto san Giovanni: Mimesis, 2020.

Pepe P. Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere. Roma-Bari: Laterza, 2018.

Pintore G. Sardegna: regione o colonia? Milano: Mazzotta, 1974.

Promitzer C., Hermanik K.-J., Staudinger E. (Hidden) Minorities: Language and Ethnic Identity Between Central Europe and the Balkans. Münster: LIT Verlag, 2009.

Renda F. L'Inquisizione in Sicilia. Palermo: Sellerio, 1997.

Rudas N. L'interazione arcana. All'origine della creatività dei sardi // *L'ora dei Sardi* / a cura di S. Cubeddu. Cagliari: Fondazione Sardinia, 1999. P. 255–292.

Research Article

Maxia, A. The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society [“Liubov’ za den’gi” v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obshchestve]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053>
EDN: COXWDC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Armando Maxia | <http://orcid.org/0000-0002-2920-6921> | maxiaarmando@tiscali.it | Ethnographic Museum of Sardinian Mountain Culture (Parco Comunale Pastissu, 08031, Aritzo, Nuoro, Italy)

Keywords

Sardinia, prostitution, patriarchal society, taboo of sex topic, forms of functioning

Abstract

The article makes a novel contribution to anthropological studies by exploring the phenomenon of prostitution in Sardinia which remains a poorly urbanized conservative rural region of Europe, which still retains a high degree of cultural traditionalism. Due to the lack of research on this issue, I draw primarily on my own field material obtained as a result of many years of surveys conducted in the region, mainly in mountainous areas, that is the pastoral zone which is a set of introverted and patriarchal village microcosms with unusually strict social control and a rigid system of moral taboos. The principal difficulty in conducting this type of fieldwork is the uncommunicativeness and “closedness” of informants in any kinds of conversations involving topics of sex. I argue that there was an organic social “acceptance” of the institution of prostitution in the traditional society as an element that provided a mechanism for its social functioning and the preservation of social balance.

References

- Anfossi, A. 1968. *Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano, Bosa, Macomer* [Sociality and Organization in Sardinia: Study on the Area of Oristano, Bosa, Macomer]. Milan: Franco Angeli.
- Angioni, G. 1990. Note sulla famiglia sarda tradizionale [Notes on the Traditional Sardinian Family]. In *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* [Family and Marriage in Traditional Sardinian Society], edited by A. Oppo, 11–22. Brescia: La Tarantola.
- Barbagli, M. 2020. *Comprare piacere. Sessualità e amore venale dal Medioevo a oggi* [Buy Pleasure: Sexuality and Venal Love from the Middle Ages to the Present]. Bologna: Il Mulino.
- Barbagli, M., and A. Colombo. 2001. *Omosessuali moderni: gay e lesbiche in Italia* [Modern Homosexuals: Gays and Lesbians in Italia]. Bologna: Il Mulino.
- Barbagli, M., G. Dalla Zuanna, and F. Garelli. 2010. *La sessualità degli italiani* [The Sexuality of Italians]. Bologna: Il Mulino.
- Barthes, R. 1967. *Système de la mode* [Fashion System]. Paris: Du Seuil.
- Casula, F.C. 2017. *Breve storia di Sardegna* [Brief History of Sardinia]. Sassari: Carlo Delfino.
- Cossu, N. 2014. *L’amore negli occhi. Rapporti tra i sessi e formazione della coppia*

- nella società agropastorale sarda* [Love in the Eyes: Relations between the Sexes and the Formation of the Couple in the Sardinian Agropastoral Society]. Sassari: Carlo Delfino.
- Cutrerà, A. 1971. *Storia della prostituzione in Sicilia* [History of Prostitution in Sicily]. Palermo: Stampatori Associati.
- Derrida, J. (1992) 2014. *Resistenze. Sul concetto di analisi* [Resistance: On the Concept of Analysis]. Napoli: Orthotes.
- Gallini, C. 1977. *Tradizioni sarde e miti d'oggi. Dinamiche culturali e scontri di classe* [Sardinian Traditions and Myths of Today: Cultural Dynamics and Class Clashes]. Cagliari: EDES.
- Giardelli, P. 2011. *Guardare ma non toccare. L'amore nelle società rurali* [Look but don't Touch: Love in Rural Societies]. Recco (Ge): Le Mani–Microart'S.
- Gibson, M. 1986. *Prostitution and the State in Italy, 1860–1915*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Gibson, M. 1989. Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo [Tolerate Repress? A Contemporary Dilemma]. In *La storia della prostituzione* [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 40–46. Firenze: Giunti.
- Gibson, M. 1989. Il caso italiano [The Italian Case]. In *La storia della prostituzione* [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 47–50. Firenze: Giunti.
- Maksimowski, S. 2012. A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work. *The University of Western Ontario Journal of Anthropology* 20 (1): 23–38.
- Oppo, A. 1990. La nuclearità della famiglia in Sardegna [The Nuclearity of the Family in Sardinia]. In *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* [Family and Marriage in Traditional Sardinian Society], edited by A. Oppo, 73–101. Brescia: La Tarantola.
- Pattuzzi, A. 2020. *Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980* [Pleasure and Guilt: Catholics and Sex in Italy 1930–1980]. Sesto san Giovanni: Mimesis.
- Pepe, P. 2018. *Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere* [Heroes Drink Wine: The Ancient World in a Glass]. Rome-Bari: Laterza.
- Pintore, G. 1974. *Sardegna: regione o colonia?* [Sardinia: Region or Colony?]. Milano: Mazzotta.
- Promitzer, C., K.-J. Hermanik, and E. Staudinger. 2009. *(Hidden) Minorities: Language and Ethnic Identity Between Central Europe and the Balkans*. Münster: LIT Verlag.
- Renda, F. 1997. *L'Inquisizione in Sicilia* [The Inquisition in Sicily]. Palermo: Sellerio.
- Rudas, N. 1999. L'interazione arcana. All'origine della creatività dei sardi [The Arcane Interaction: At the Origin of Sardinian Creativity]. In *L'ora dei Sardi* [The Sardinian Hour], edited by S. Cubeddu, 255–292. Cagliari: Fondazione Sardinia.